

Линь Шэнь похлопал Линь Исина по плечу:

— Знаю-знаю, зубы выпали, вот и кровоточат! В моём возрасте терять зубы — это абсолютно нормально!

На лице Линь Исина застыло фирменное выражение полного равнодушия.

— Я просто хотел тебя напугать! Не думал, что ты, сорванец, окажешься таким сообразительным! Эх, шутить с тобой — сплошная скука.

На лице Линь Исина по-прежнему застыло фирменное выражение полного равнодушия.

— Я в туалет, ты со мной?

Линь Исин... едва заметно поморщился в уголке рта.

Линь Шэнь поднялся с дивана, стремительно направился в ванной и заперся изнутри. Покорчив рожи перед зеркалом и проверив лунку, он неторопливо прополоскал рот.

Тем временем Линь Исин.

Его взгляд упал на диван, где остался крошечный выпавший зубик, на котором ещё блестела капелька крови.

Прямо перед диваном стоял журнальный столик. Линь Исин вытянул со стола две салфетки и аккуратно завернул в них зуб.

Затем украдкой сунул его в собственный карман.

Линь Шэнь вышел из ванной и на ходу принялся расспрашивать:

— Слушай, а где это я зуб потерял? Верхний надо бросать под кровать, а нижний — на крышу, только тогда новые зубы вырастут ровными...

Он шёл из ванной и продолжал оглядываться, почёсывая затылок и недоумённо бормоча:

— Ну куда же он делся...

— Эй, братец, я к тебе обращаюсь. Ты не видел моё брошенное зубастиком прошлое?

Линь Исин с бесстрастным лицом произнёс:

— Не видел.

Странно, и куда же он запропастился?

Линь Шэнь почесал макушку и опустился на диван, озадаченно нахмурившись.

Тут его осенило: он хлопнул себя по бедру и округлил глаза от шока:

— Неужели я его случайно проглотил?!

Черт! Серьёзно? От одной мысли об этом стало противно. У Линь Шэня наотмашь пошли мурашки по коже, его чуть не вырвало.

Линь Исин холодно бросил:

— Возможно.

И, не говоря больше ни слова, протянул ему гроздь винограда.

Линь Шэнь взял ягоды и тут же проглотил одну, не жуя. Сладкий вкус заставил разгладиться его нахмуренные брови, а на лице появилось явно заметное удовольствие.

Взгляд Линь Исина слегка потемнел... Линь Шэнь любил сладкое.

Линь Шэнь продолжал целыми днями объедаться сладостями, развлекаться и бездельничать — и так до самого двадцать восьмого августа.

В тот вечер за обеденным столом...

— Через несколько дней уже начнётся учебный год, и мои маленькие ангелочки наверняка до сих пор судорожно доделывают домашку.

Чэнь Цинъюй, совершенно не заботясь о многомиллиардном состоянии Линь Ваньнана, от нечего делать устроилась работать учительницей китайского языка в начальной школе. И всё под благовидным предлогом: «Общаясь с младшеклассниками, я чувствую себя всё моложе и моложе».

Тех учеников она ласково называла маленькими ангелочками.

Линь Ваньнань отложил палочки с чашкой и обиженно протянул:

— Если они маленькие ангелочки, то кто тогда я?

Линь Шэнь уткнулся носом в тарелку. За какие грехи ему приходится за каждым приёмом пищи давиться чужой романтикой...

Чэнь Цинъюй вовсе не собиралась отвечать этому ревнивцу, поэтому она просто сменила тему.

— Шэнь-шэнь, ты ведь уже закончил все уроки?

Она спросила об этом чисто для галочки. В конце концов, их драгоценный сыночек такой послушный, а летняя домашка — сущий пустяк для него.

Линь Шэнь вдруг замер с полным ртом.

Ах да... домашка?

[Хозяин, сейчас вы ученик третьего класса! Вы учитесь в лучшей элитной школе всего города, и помимо заданий по китайскому, математике и английскому языку, у вас есть целая куча практических и творческих заданий.]

Черт побери, как же полна сюрпризов и испытаний человеческая жизнь.

— Шэнь-шэнь?..

— А? — Линь Шэнь похлопал ресницами.

— Ты ведь всё сделал?

Линь Шэнь с улыбкой кивнул, выдавливая сквозь зубы слова, пропитанные невыносимой болью:

— Угу... всё сделал.

Линь Исин, уткнувшись в тарелку, услышал тон Линь Шэня и неожиданно поднял голову, бросив на него быстрый взгляд.

Чэнь Цинъюй заметила реакцию Линь Исина и мягко улыбнулась.

— Исин, мы с папой договорились с престижной школой Дихао. Теперь вы с Шэнь-шэнем будете ходить на учёбу и обратно вместе.

Линь Исин кивнул:

— Хорошо.

— У вас занятия начинаются второго сентября, и мы с папой планируем первого числа устроить для тебя банкет, чтобы как можно больше людей узнали тебя. Исин, ты не против?

Клан Линь испокон веков был знатной фамилией в городе, а Линь Исин поступал в элитную школу. Чтобы в будущем никто не смел злословить за его спиной, его происхождение следовало объявить во всеуслышание.

Грандиозный вечер должен был стать заявлением для всей городской элиты: хотя Линь Исин и был приёмным ребёнком, в их семье к нему относятся с такой же любовью, как и к родному сыну, и никому не позволено его порицать.

— Не против.

Живя в чужом доме, он не мог сказать «нет».

На этот раз настала очередь Линь Шэня поднять голову и посмотреть на Линь Исина.

Пужинав, Линь Шэнь стремлениями помчался в свою спальню.

Он перерыл всё на письменном столе, отчаянно пытаясь отыскать блокнот или листок с записями о домашнем задании.

Неужели прежний Линь Шэнь обладал настолько феноменальной памятью, что мог просто взять и запомнить все уроки наизусть?..

[Поздравляю, хозяин, вы раскусили всю правду!]
Тогда... в чём задали домашку? Я понятия не имею, какая домашка, как её вообще делать, чёрт побери! Помоги мне, а?

Не скажу, ни за что не скажу~ И не проси~

Мусорная Система, да чтоб ты взорвалась.

...Сядоу, неужели ты не можешь быть со мной помягче?

Хм... он не слишком-то горел желанием.

Линь Шэнь устало рухнул на кровать... и вдруг его озарила догадка.

Главная героиня Хэ Жаньжань учится с ним в одном классе! Хотя она бедна, но всё же приходится дочерью семейной горничной, к тому же девочка послушная.

Именно поэтому Линь Ваньнань и Чэнь Цинъюй поступили весьма благородно, предоставив ей шанс поступить в элитную школу и получить наилучшее образование.

Когда Линь Шэнь пришёл к Хэ Жаньжань, та сидела в своей маленькой спальне и делала уроки.

Увидев его, Хэ Жаньжань поднялась из-за письменного стола и, опустив голову, робко произнесла:

— Молодой господин...

— Ой-ой-ой, не нужно так официально. Можешь звать меня просто братом. — Линь Шэнь изобразил на лице самое дружелюбное выражение и ослепительно улыбнулся.

Хэ Жаньжань ничего не ответила: разве у неё было право называть его братом?

Линь Шэнь с неловкой улыбкой на лице:

— Ха-ха-ха, чем это ты тут занимаешься?

Разве это не очевидно? В руке у неё ручка, на столе лежит пропись — и всё это прямо на глазах у Линь Шэня... неужели он слепой?

— Скоро начнётся учеба, я делаю уроки.

— О... а какие уроки?

В прописи пестрели сплошные английские буквы, кроме английского, разве это мог быть не урок математики или китайского? Хэ Жаньжань поджала губы:

— Английский.

— О-о-о, английский! А я уже всё сделал!

— Угу.

— А кроме английского, остальные уроки сделала?

— Сделала.

Неловко, неловко, неловко, глупый светский разговор.

Линь Шэнь почесал в затылке и наконец перешёл к делу:

— Ты же знаешь, я с рождения очень умный и с малых лет во всём преуспеваю. Всю домашку я уже давным-давно переделал, и всё должно быть правильно.

Он кашлянул:

— Слушай, может, дашь мне свою домашку, я её проверю?

Сядоу, я только что видел на полу твоё лицо... Причём, кажется, в два слоя.

Отвали куда подальше, я тут с девочкой милуюсь, а ты несёшь всякую чушь!

Хэ Жаньжань закусила губу:

— Да ну, не стоит, как-то это неудобно... Я не могу отнимать у молодого господина время.

— Пустяки, какие пустяки! Разве это можно назвать потерей времени? Ни капельки! Я с детства человек очень отзывчивый. К тому же послужить прекрасной девушке — это честь для любого парня.

Щёки Хэ Жаньжань слегка покраснели:

— Т-тогда... извините за беспокойство, молодой господин.

Вот так Линь Шэнь прихватил домашку Хэ Жаньжань и тихонько выскользнул за дверь.

Стоило Линь Шэню отойти, как из тени вышел Линь Исин.

Его холодный взгляд не отрывался от двери комнаты Хэ Жаньжань, казалось, он пытался прожечь её насквозь.

Линь Шэнь пробыл там целых три минуты, а когда вышел, лицо его сияло безмятежной, весенней улыбкой.

Хотя он и знал, что Линь Шэнь ходил за домашкой... но как, как можно быть таким омерзительным, как можно озарять других такой улыбкой...

Он не мог совладать с собой — ему хотелось... задирать Линь Шэня, жестоко задирать и наказывать. Точно так же, как он в детстве отрывал крылышки и лапки насекомым, наблюдая, как они больше не могут барахтаться, ему хотелось... полностью подчинить себе Линь Шэня.

Взгляд Линь Исина потемнел, а в зрачках заплясали зловещие язычки пламени.

Вернувшись в свою комнату, Линь Шэнь сверился с прописями и просто скопировал домашку Хэ Жаньжань.

То, что ты делаешь, называется плагиатом, а не копированием.

Отвали! Не мешай барину заниматься серьезными делами. Разве программа третьего класса может вызвать у него трудности? Когда он заискивал перед Хэ Жаньжань, его целью было лишь выяснить, задали ли вообще хоть что-нибудь.

И вот ты, глядя на готовые ответы, даже зная, как решать самому, поленился думать и просто списал.

Подчёркиваю специально для тебя: это называется сору, копирование! И вообще, найди мне хоть одного человека в молодости, который никогда не списывал домашку!

Если сможешь найти хоть кого-то, кто никогда не списывал, я прямо сейчас трижды поклонюсь ей в землю.

Он всего лишь ученик младших классов, подумаешь — домашку пишет.

Линь Шэнь на одном дыхании справился с математикой и английским. А затем... взялся за те части по китайскому языку, которые вообще были ему по силам.

Но вот эта проклятая штука под названием «сочинение»... почему от неё столько проблем?

Линь Шэнь человек прямолинейный, не любит кругалей. Засел над сочинением, прогрыз зубами кончик ручки, думал-думал — и выдать из себя не смог ни единого иероглифа. Мучения похлеще запора.

Сочинение, твоё второе имя — дьявол.

Целых двадцать сочинений, а до начала учебного года осталось всего дня три-четыре. Ему нужно писать в среднем по пять штук в день... От этих мыслей делалось всё тревожнее и раздражительнее.

Линь Шэнь вышел из спальни и направился в комнату Линь Исина. Едва войдя, он ощутил в воздухе запах крови — густой, до неправдоподобного сильный.

Линь Исин сидел на полу у кровати, его руки были по самые запястья испачканы алой кровью. Огромные багровые пятна пугали до дрожи в сердце.

Его мертвенно-бледная кожа резко контрастировала с окровавленным месивом в руках, и посреди этой отвратительной картины в его глазах горел странный, зловещий жар.

У Линь Шэня на мгновение остановилось сердце — он едва не подумал, что это место преступления.

Линь Шэню хотелось выругаться последними словами: что за хрень ты тут творишь, идиот? — но с губ сорвалась совсем другая фраза, полная дрожи:

— Ты... что ты делаешь?

Линь Исин поднял на него взгляд и неожиданно улыбнулся.

Впервые за последний месяц. Уголки его губ приподнялись совсем чуть-чуть, источая леденящий душу холод:

— Шэнь-шэнь...

Линь Шэнь заметил неподалеку от него человеческий глаз. На залитом кровью полу чернел и белел выпуклый шар, казавшийся живым — он словно бы еще едва заметно пульсировал.

На полу валялись кровавые ошметки плоти, а круглый глаз, сделав полный оборот, покатился прямо к Линь Шэню.

Даже будучи мужчиной, двадцатилетним парнем, повидавшим виды и пересмотревшим немало тяжелых кровавых триллеров, в этот момент он едва справлялся с потрясением...

К тому же его желудок скрутило от резких спазмов тошноты.

Линь Шэню потребовалась целая минута, чтобы взять себя в руки. Его первой реакцией было захлопнуть дверь комнаты.

Если бы кто-нибудь зашел и увидел это зрелище, Линь Ваньнань и Чэнь Цинъюй наверняка выгнали бы Линь Исина... Подобное выходило за рамки здравого смысла.

Одиннадцатилетний ребенок, творящий столь жестокие и кровавые вещи — даже самый добрый человек в мире не смог бы смириться с его присутствием в своем доме.

Набравшись храбрости, Линь Шэнь подошел ближе:

— Брат... откуда столько крови... и то, что на полу... ты...

Линь Исин молчал. Он тихо сидел на окровавленном полу, словно ребенок, окруженный грудой игрушек.

Подойдя вплотную, Линь Шэнь заметил позади него стеклянный аквариум. Рыбок в нем не было, лишь одиноко плавали водоросли.

Сглотнув слюну, Линь Шэнь попытался успокоиться.

Он медленно опустился на корточки, а затем протянул руки к лицу Линь Исина.

Нет, скорее бережно обхватил его ладонями.

Линь Шэнь протянул руки, осторожно прикрывая лицо Линь Исина своими ладонями.

И мягким, ласковым голосом произнес:

— Брат...

— Брат...— Посмотри на меня, посмотри же...

Пустые глаза Линь Исина наконец обрели фокус и в конце концов остановились на лице Линь Шэня.

— Брат, я схожу за вещами на улицу, а потом вернусь и всё здесь уберу... Ты посиди пока здесь, никуда не уходи... Слышишь?

Убедившись, что с Линь Исином ничего странного не происходит, Линь Шэнь осторожно

поднялся на ноги, стараясь не испачкаться в крови.

Он выбежал из комнаты, отыскал в ванной чистящие средства и вернулся обратно.

Линь Шэнь дочиста вымыл окровавленный пол, а затем, надев перчатки и преодолевая тошноту, собрал с земли грязь и выбросил её в мусорное ведро.

Немного распылив освежитель воздуха, Линь Шэнь вынес пакет с мусором наружу и выбросил его за пределами виллы.

Когда он вернулся, Линь Исин всё еще сидел в прежней позе, прислонившись спиной к стене с отрешенным выражением лица.

— Брат, пойдём, вымоем руки и примем ванну...

Линь Исин не шелохнулся, напоминая бездушную марионетку.

Линь Шэнь подошел к нему, взял за перепачканные кровью руки и, слегка потянув за собой, привел в совмещенный санузел при спальне.

Он открутил кран, крепко сжал руку Линь Исина и подставил её под струю воды. Линь Шэнь был похож на взрослого, помогающего ребенку помыть руки — его движения были мягкими, а выражение лица — серьезным.

Теплый оранжевый свет лампы в ванной создавал уют, и две пары рук, соединенные вместе, казалось, никогда не разожмутся.

Закончив, Линь Шэнь посмотрел на окровавленную белую рубашку Линь Исина:

— Снимай одежду и иди в душ.

Линь Исин разделась прямо при нем. Линь Шэнь нахмурился, разглядывая его худощавое, почти костлявое тело:

— Ты слишком худой.

Линь Исин посмотрел на его нахмуренные брови и внезапно вспомнил самое начало. Чэнь Цинъюй тогда говорила: Шэньшэнь очень одинок, он хочет, чтобы рядом был старший брат, который будет сопровождать его и защищать.

Если не станешь сильнее, то не сможешь защитить Линь Шэня.

Линь Шэнь тоже разделся и включил душ. Теплая вода полилась на него, стекая по белой нежной коже.

В густом водяном паре Линь Исин впервые осознал, насколько прекрасным может быть человеческое тело.

В последующие годы Линь Исин видел немало знаменитых средневековых картин с обнаженной натурой — произведений искусства, на которых порой были изображены дети. Но каким бы знаменитым ни был мастер, сколь бы совершенной с точки зрения анатомии ни была картина маслом, всё это шло ни в какое сравнение с тем зрелищем, которое предстало перед ним сейчас благодаря Линь Шэню.

Было уже за полночь, когда они закончили мыться.

Оба малыша лежали в постели, в комнате работал кондиционер, вокруг царил тишина.

Линь Шэнь долго мысленно подбирал слова и наконец нашёл подходящую фразу, чтобы нарушить неловкое молчание.

— Братец, задали на лето целых двадцать сочинений. Я только что изо всех сил помогал тебе убираться в комнате... Я знаю, что у тебя на душе скребут кошки и ты мне очень благодарен.

— Так вот, в знак благодарности помоги мне написать эти сочинения, а?

Хозяин, это и есть твои тщательно обдуманые слова?

Надменный вид и полное бесстыдство.

Линь Исин не ответил, а вместо этого мрачно спросил:

— Почему ты не расскажешь всё своим родителям?

Почему Линь Шэнь его не боится? Почему не скажет Линь Ваньнаню и Чэнь Цинъюй, что на самом деле он — извращенец, и не выгонит его?

Линь Шэнь немного подвигался на матрасе, подбираясь поближе к Линь Исину. Он нахмурился, выглядя крайне недовольным.

— Что ещё за твоим родителям? Твоя прописка тоже оформлена с нашей, ты мой старший брат, я твой младший брат, так что мои папа и мама — это и твои папа и мама.

Линь Исин холодно усмехнулся: как же фальшиво прозвучали эти слова.

Хозяин, главный герой мысленно называет тебя фальшивкой.

Не растрогался, так ещё и обзывает фальшивкой?

Линь Шэнь приподнялся на кровати, прислонившись спиной к изголовью:

— Если бы я всё рассказал родителям, тебя бы точно выставили за дверь.

Помолчав, Линь Шэнь продолжил:

— А если тебя выгонят, что тогда делать с моими сочинениями?

Ха-ха, называешь меня фальшивкой? Тогда я отвечу тебе прямо, чтобы позлить.

Лицо Линь Исина слегка затвердело:

— Сочинения пиши сам.

— Хм, сам так сам.

Линь Шэнь отвернулся, повернувшись к Линь Исину спиной, и обиженно умолк. Сочинения для третьего класса он мог бы писать хоть с закрытыми глазами!

Спустя две минуты Линь Шэнь снова перевернулся.

Он подполз ближе.

И ещё ближе.

Затем крепко обнял Линь Исина и жалобным голосом произтянул:

— Братец... я же сегодня убирался, поранил руку, теперь совсем не могу писать.

Линь Исин неожиданно взял его за руку, внимательно оглядел со всех сторон — кожа была чистой и гладкой, никаких следов ранений не было и в помине.

— Братец... я хочу, чтобы ты мне помог.

— Ну помоги же мне... помоги... братец...

— Братец... ты у меня самый лучший...

— Затсиь! Завтра напишу.

Линь Шэнь стер с лица льстивую улыбку и довольно хмыкнул:

— Значит, все двадцать сочинений теперь на тебе.

Избавившись от всех забот, Линь Шэнь закрыл глаза и сладко заснул.

Убедившись, что Линь Шэнь уснул, Линь Исин протянул руку и нежно, с трепетом провел пальцами по его лицу, водянистым и одержимым взглядом пожирая его черты.

Линь Шэню стало щекотно, он сонно захныкал, взмахнул рукой и хлопнул себя по лицу, смахнув руку Линь Исина, словно назойливого комара.

К счастью, спал он крепко и ничего подозрительного не заметил.

Посмотрев на его пухлые розовые губки, Линь Исин нашёл их очаровательными и поцеловал.

На следующий день Линь Исин взялся писать сочинения за Линь Шэня.

Пока Линь Исин сидел за письменным столом, Линь Шэнь устроился рядом с портативной игровой приставкой и время от времени издавал изумленные возгласы.

Опять убили. Что за паршивая игра, оскорбление его интеллекта.

— Больше не играю! — выругался Линь Шэнь и швырнул приставку на кровать.

Бросив взгляд на Линь Исина, он заметил, что тема сочинения гласила Моя мечта. Кроме самого заголовка, чистый лист бумаги — тот еще ничего и не начинал писать.

— Да выдумай ты что-нибудь от балды: врач, учитель, юрист, полицейский... выбирай любого.

Бросив это на ходу, Линь Шэнь вдруг оживился.

— Братец, а давай ты напишешь, что хочешь стать врачом? Я заметил, тебе безумно подошла

бы эта профессия, как же круто, наверное, в будущем размахивать скальпелем.

И как это гармонирует с твоей натурой извращенца...

Сидящий за столом Линь Исин поднял голову и посмотрел на него:

— А ты?

Линь Шэнь приподнял брови. Он умер сразу после окончания университета в прошлой жизни и даже работу толком найти не успел. Кем он хочет быть, он и сам толком не знал.

— А я бы с удовольствием валялся дома целыми днями, ел, пил и развлекался, вообще ничего не делая.

Линь Шэнь рухнул на кровать, закинув руки за голову, и с завистью протянул:

— Вот бы нашелся кто-то, кто содержал бы меня всю жизнь...

Линь Исин тихо произнес:

— Хорошо.

Линь Шэнь приподнял голову и озадаченно посмотрел на него. Что хорошо? К чему это он?

Линь Исин снова уткнулся в сочинение, а Линь Шэнь еще немного полежал на кровати, размышляя:

— Вообще-то, у меня есть малюсенькое желание пойти в армию.

Как же потрясающе выглядит военная форма, да и с оружием можно возиться каждый день.

Стоило Линь Шэню представить себя в военном мундире и с автоматом наперевес, как кровь в жилах закипала от восторга.

<http://bllate.org/book/24751/2923908>